

УДК 82-32

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-146-151

ХОРОШИЕ АНГЛИЙСКИЕ МАЛЬЧИКИ. КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО В БРИТАНСКОЙ ГОТИЧЕСКОЙ НОВЕЛЛЕ

© Анастасия Липинская

GOOD ENGLISH BOYS. CONSTRUCTING THE GENDER AND THE NATIONAL IN BRITISH GHOST STORIES

Anastasia Lipinskaya

The article describes how gender and national aspects are constructed in late 19th–early 20th century British ghost stories. Both categories are seen within the context of the fearful Other so characteristic of the genre: deviations from the ideal of healthy British masculinity are perceived as potentially dangerous. It can be expressed as appearance of feminine or juvenile features gravitating towards heathen cults, and here gender is combined with the national: often a portion of non-British blood (e.g. Jewish or Italian) influences the choice of the particular cult and the way the protagonist's appearance and manners change in the course of the narrative. All these phenomena are often complemented with the presence of animalistic features in the character, even if only metaphorically: any decline from masculinity and Christianity is perceived as a partial loss of humanity. Here, the influence of theories by Ch. Lombroso, M. Nordau, J. Fraser etc. is evident. But the authors of high quality stories (J. Buchan, A. Conan Doyle, E. F. Benson) do not preach these ideas straightforwardly, they create original texts with quite ambivalent treatment of the topics discussed.

Keywords: ghost story, gender, masculinity, degeneration, ambivalence, the Other

Статья посвящена конструированию гендерного и национального в британской готической новелле рубежа XIX–XX веков. Обе эти категории воспринимаются в рамках характерного для жанра представления о страшном Другом: отклонения от идеала здоровой британской маскулинности предстают как тающие угрозы. Выражаться это может как проявление детских или феминных черт, сочетающееся с тягой к языческим культам, и здесь гендерное смыкается с национальным: зачастую именно примесь не-британской крови (например, семитской или итальянской) определяет как характер культовых практик, так и черты, проявляющиеся в герое на протяжении повествования. Все это часто сопровождается наличием у персонажа анималистических черт, пусть и лишь на уровне сравнений: отход от маскулинности и христианства воспринимается как частичная утрата человечности. Очевидно влияние популярных в то время научных теорий (Ч. Ломброзо, М. Нордау, Дж. Фрэзер и др.). Но в лучших текстах подобные смысловые конструкции не превращаются в прямолинейную проповедь: Дж. Бакан, А. Конан Дойл, Э. Ф. Бенсон, опираясь на характерные для эпохи представления, создают оригинальные тексты, не лишённые амбивалентного отношения к «здоровой маскулинности» и британской цивилизации.

Ключевые слова: готическая новелла, гендер, маскулинность, вырождение, амбивалентность, Другой

Для цитирования: Липинская А. Хорошие английские мальчики. Конструирование гендерного и национального в британской готической новелле // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 2 (76). С. 146–151. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-76-2-146-151

Не секрет, что гендерная проблематика занимает важное место в современных гуманитарных науках. Данная статья касается одного частного аспекта этой темы – о том, как осуществляется конструирование гендерного и национального в британской готической новеллистике. Готиче-

ская новелла, она же история с привидениями (англ. ghost story), строится на ситуации вторжения сверхъестественного, в том числе архаического (древние боги, демоны и т. д.) в рационально устроенный мир [1, с. 204]. Категория страшного здесь, разумеется, присутствует, но

более фундаментальной и обязательной является идея инакости, тревоги по отношению к другому, к непонятному. Учитывая, на какой период пришелся расцвет жанра, это вполне объяснимо: вторая половина XIX – начало XX столетия ознаменованы высшим расцветом и одновременно началом конца Британской империи, открытиями Дарвина, сложными отношениями с колониями, бурным развитием антропологии и этнографии [Там же, с. 218]. Отсюда понятно, что в готических новеллах мир зловещих чудес зачастую конструируется исходя из определенных представлений о национальном. Сюжеты, связанные с экзотическим колдовством, встречаются очень часто – достаточно вспомнить новеллы Э. Ф. Бенсона, Дж. Бакана, А. Блэквуда (отдельной темой стала, конечно, египетская магия [2, с. 249], но, разумеется, не только она). Но и гендерное не остается без внимания: на фоне классического представления о здоровой британской маскулинности появляются персонажи, странность, инакость которых лежит именно в этой плоскости, причем в полном соответствии с традициями жанра особенно пугающей предстает именно гибридность [3, с. 144], [4, с. 8]. Рассмотрим несколько примеров, это хорошо известные тексты, которые вполне можно считать прецедентными.

Герой новеллы Джона Бакана «Дубрава Астарты» («The Grove of Ashtaroth», 1912 [5, с. 141–171]) покупает обширное поместье в Африке, на территории которого обнаруживается храм древней богини. Три года спустя рассказчик, его друг, приезжает и застаёт идеально обустроенное поместье, но хозяин как будто пал жертвой странной болезни: красивый, сильный, жизнерадостный человек обрюзг и заметно приуныл. Конечно, он попал под влияние богини, и, чтобы спасти его, пришлось снести тот самый храм. Сюжет, связанный с языческим культом, интересен сам по себе, но в данном случае обратим внимание на то, как Бакан показывает своего героя, Лоусона, и претерпеваемую им трансформацию. Вот каков персонаж в самом начале:

«In his untanned field-boots, breeches, and grey shirt he looked like the born wilderness-hunter <...> Being a fair man, he was gloriously tanned <...> young, good-looking, wholesome in mind and body, and much sought after by the mothers of marriageable girls <...> I saw that he was restless <...> There was that in his eyes, too, which marked him out from the ordinary blond type of our countrymen. They were large and brown and mysterious, and the light of another race was in their odd depths» [5, с. 142].

Лоусон выглядит как воплощенный идеал, физически совершенный, целеустремленный,

привлекательный для дам деловой человек и одновременно путешественник, охотник, колонизатор, «лицо» Британской империи. Но глаза у него не британские, а, как нетрудно догадаться, еврейские. Рассказчик приводит сведения о родословной своего друга, купленной в геральдической палате, и предельно аккуратно сообщает, что дед Лоусона торговал антиквариатом, посещал синагогу и, видимо, не менял фамилию на шотландскую. Это, пусть и прозрачные, но все же эвфемизмы, и есть еще вот такая формулировка: «мой друг принадлежал к расе более древней, нежели Лаусоны с шотландской границы» [Там же, с. 143]. То есть предки героя более или менее старательно ассимилировались, надо полагать, по причине негативного отношения к евреям, но в нем заговорила древняя кровь, определяя не только некоторые особенности внешности, но и склонности. Отношение рассказчика в данном случае балансирует между антисемитизмом, мешающим высказываться прямее, и почтением. Древняя иная раса – это в данном случае не просто эвфемизм для евреев, но и совершенно классическое для поздней готики определение, открыто намекающее на возможность зловещих чудес (современному читателю оно, конечно, напомнит Древних, придуманных Лавкрафтом). Лоусон как бы не совсем человек. Характерно, что визуально его выдают именно глаза, то есть что-то заметное при близком контакте и, согласно распространенному представлению, тесно связанное с внутренним миром («глаза – зеркало души»). Герой только кажется образцом британской маскулинности, на самом деле он плохо вписан в социум, и его внутренняя, потаенная сущность обладает зловещим потенциалом, который он сам не осознает.

И вот совсем другое описание Лоусона, в течение трех лет жившего рядом с храмом Астарты – семитской богини (во времена Бакана существовали теории о финикийском влиянии на Африке [6, с. 8]):

«In place of the lean young man I had known, I saw a heavy flaccid being <...> tired and listless. [He] wore shapeless flannel clothes <...> [His eyes] were as deep and restless as ever. With his pallid face they made him look curiously Semitic. I had been right in my theory about his ancestry» [5, с. 151].

Последняя фраза объясняет туманность формулировок в начале новеллы – получается, сам герой не выражался открыто (напомним, что его семья всячески пыталась мимикрировать под шотландцев), не признавал свою глубинную идентичность вслух. А вблизи храма под влиянием древнего божества в Лоусоне пробудились

его еврейские корни. Но вот что интересно: бывший красавец утратил не столько свою в целом европейскую внешность, сколько маскулинность: полное дряблое тело, халат вместо походной одежды, и даже голос стал высоким и пронзительным, друг даже называет его не мужчиной, но существом (being). А в сцене ритуала, временно прерванного рассказчиком, присутствует сравнение с менадой; более того, ритуал этот «списан» из «Золотой ветви» Фрэзера [7, с. 279, 287], и полная версия его включает самооскопление – но, благодаря вмешательству друга, Лоусон отделался несколькими порезами. Этническое и гендерное причудливо перемешались. Окончательное возвращение к древнему семитскому наследию выглядит как превращение мужчины в двуполое или бесполое создание. За этим ассоциативным полем давняя традиция, ассоциирующая британское с «образцово-показательной» маскулинностью [8, с. 92] и еврейское с женоподобием, слабостью, паразитизмом [9, с. 148–152], причем конкретно женственность приписывалась межрасовым «гибридам» [10, с. 237], каковым, в сущности, является Лоусон. Но Бакан не превращает свою новеллу в прямолинейную пропаганду некой нормы. То, что мешает Лоусону быть настоящим британцем, амбивалентно: именно бессознательная тяга к корням заставляет его отважно исследовать мир. И потом (в этом, пожалуй, главная прелесть истории) рассказчик, только что ужасавшийся произошедшим в друге переменам, после разрушения храма испытывает некое подобие ностальгии по красивому историческому месту. Перед нами достаточно тонкий текст, не играющий в привычные бинарные оппозиции, но показывающий их внутреннюю сложность.

Еще одну выразительную историю о маскулинности и британскости обнаруживаем у Артура Конан Дойла, это рассказ «Номер 249» («Lot No. 249», 1892 [11, с. 179–224]). В Оксфорде учатся и живут по соседству трое молодых людей, один из них раздобыл и оживил мумию, чтобы отомстить своим врагам.

Вот описание двоих персонажей, Смита и Хасти, в полной мере объясняющее, каким образом студенты в глазах автора ассоциируются со здоровой британской мужественностью в духе движения muscular Christianity [12, с. 66]:

«Both men were in flannels, for they had spent their evening upon the river, but apart from their dress no one could look at their hard-cut alert faces without seeing that they were open-air men – men whose minds and tastes turned naturally to all that was manly and robust» [11, с. 181].

Естественно, прекрасную физическую форму, активность и любовь к природе дополняют усердие в изучении наук и крепкая мужская дружба, а еще, беседуя у камина, молодые люди пьют шотландский и ирландский виски – напиток подчеркнуто национальный и опять-таки ассоциирующийся с Великобританией и маскулинностью.

Их сосед Беллингем – полная им противоположность: он толст, некрасив (и, что особенно злит друзей, претендует на красивую девушку, сестру еще одного их соседа). А еще он, по их словам, мерзок и злобен и рядом с красавицей выглядит как жаба с голубкой [Там же, с. 183] – характерное зооморфное сравнение. Но это невероятно знающий египтолог, владеющий коптским, арабским и древнееврейским языками, на которых легко объясняется с жителями долины Нила. Само по себе знание Востока не является однозначным маркером, но автор подчеркивает именно способность героя адаптироваться там, чувствовать себя своим, и, напомним, он очень сильно не нравится своим образцово-показательным соседям. Причем Смит он кажется просто обрюзгшим молчаливым человеком с бледным лицом (чем-то напоминающим изменившегося Лоусона в рассказе Бакана), а вот каково было мнение Хасти:

«He could not tolerate departures from what he looked upon as a model type of manliness <...> Like so many who are themselves robust, he was apt to confuse the constitution with the character, to ascribe to want of principle what was really a want of circulation» [Там же, с. 186].

Это описание очень заметно перекликается с популярной в те годы, хорошо воспринятой в Британии и оказавшей заметное влияние на литературу теорией Чезаре Ломброзо [1, с. 218], [13, с. 84], [14], согласно которой некоторые особенности внешности выдают преступные наклонности (и позже в тексте будут появляться еще «ломброзианские» детали внешности Беллингема, например оттопыренные уши [11, с. 189]). Итак, чем же, по мнению соседей, плох востоковед? Он толст, неспортивен, бледен, откровенно некрасив, и эта непривлекательная оболочка может служить признаком внутренней испорченности. Контраст слишком ярок, чтобы избежать соблазна видеть в Беллингеме фигуру страшного Другого, с явным акцентом на недостаток мужественности и правильной аристократической британскости (не только в тяге к Востоку – старый уборщик говорит, что этот тип никогда не был джентльменом в его вкусе [Там же, с. 195]).

Некрасивый студент, несомненно, просто человек, но его очень хорошо описывает знаменитый фрейдовский термин *uncanny* (нем. *Unheimliche*; стандартный русский перевод 'жуткое' очень неточен, речь идет о ситуациях, когда вроде бы все знакомо и понятно, но что-то смутно не так, и это вызывает беспокойство). Он пытается подружиться с Хастисом и Смитом, однако чересчур навязчив, совершенно непритязателен в быту и при этом периодически раздражается выпендриваемыми речами или, наоборот, постоянно бормочет что-то себе под нос, и это вызывает у соседей подозрение, что молодой египтолог немного не в себе (полная противоположность их несокрушимой жизнерадостности и здравомыслию). Но дело вовсе не в безумии: Беллингема научился оживлять хранящуюся у него в комнате мумию, чтобы она нападала на его врагов, и странное поведение объясняется, надо полагать, постоянным бормотанием заклинаний и, возможно, деградацией души и психики под воздействием культовых практик (как то случилось с Лоусоном). Тема деградации, вырождения очень хорошо прослеживается в литературе этого времени, особенно в готической: одноименная Макса Нордау [14] вышла как раз недавно, была переведена на английский и легла на благодатную почву. Но в случае с героями Конан Дойла (и Бакстера, в общем, тоже) дополнительный оттенок придает то, что точкой отсчета, эталоном, на фоне которого читается дегенерация, являются маскулинность и британский аристократизм как высшие воплощения человеческого и цивилизованного. Причем британскость тесно связана с христианством: один из персонажей сообщает Беллингеми, что в Англии его мерзкие египетские штучки не пройдут [11, с. 213, 217], а другой герой, по фамилии Ли, брат девушки, на которую претендует Беллингеми, отказывается участвовать в ритуалах с мумией как добропорядочный христианин.

И еще один выразительный штрих: изображение Беллингема неоднократно сопровождается зооморфными метафорами – в этом ряду, помимо упомянутой выше жабы, есть еще паук [Там же, с. 212] и змея (последняя – не напрямую, Смит грозит вырвать у противника его ядовитые зубы [Там же, с. 224]). То есть существа малоприятные, к тому же ассоциирующиеся со злыми чарами, но, вероятно, автору важно в первую очередь подчеркнуть, что герой как будто не совсем человек. Не в буквальном смысле, но как бы недотягивающий до настоящей человечности.

И третий случай, весьма поздний, уже двадцатых годов, но развивающий тот же комплекс мотивов, – новелла Эдварда Фредерика Бенсона

«Человек, который зашел слишком далеко» («The Man Who Went Too Far», 1912 [16, с. 205–238]). Художник поселяется на окраине глухой деревни, расположенной за рекой, а на другом берегу – лес, населенный, судя по всему, отнюдь не только стандартной английской фауной, но и более таинственными и опасными созданиями. Он занимается некими не описанными в подробностях практиками, нацеленными на получение бессмертия или, как минимум, продления молодости, но заканчивается все трагически: в ночи является таинственное бог Пан, и горе-экспериментатор обнаруживает мертвым с отпечатком копыта на груди. Наиболее очевидное прочтение этой истории – в русле столкновения современного человека с миром зловещих чудес, но в данном случае интерес представляет подача образа протагониста. Он сам как будто немного волшебное существо, был так красив, что люди улыбались, когда видели его.

«He was of medium height <...> His face and hands were of very dark complexion, either from constant exposure to wind and sun, or, as his black hair and dark eyes tended to show, from some strain of southern blood <...> led you to believe that he was a beardless lad still in his teens» [16, с. 209].

Отдельно подчеркнуто, что возраст его определить невозможно – взгляд взрослого многоопытного человека при юношеском облике. На самом деле герою тридцать пять, и друг после долгой разлуки находит его не постаревшим, а, напротив, сильно помолодевшим: выглядит он лет на двадцать. Едва ли это объясняется удачной наследственностью, художник явно что-то сделал со временем или с собой. И еще одна черта, которую современный читатель может принять за обычную деталь описания: цвет волос (между прочим, кудрявых), глаз и кожи, выдающий южную кровь, на этот раз не семитскую, а греческую или, скорее, итальянскую, раз уж в тексте упоминается античное божество Пан [Там же, с. 226], и это напоминает о давней традиции романов тайны и ужаса, где действие зачастую происходило в Италии, начиная с «Замка Отранто». И там уже была привязка к образу опасного, пугающего Другого; здесь она тоже есть, но в другой плоскости: не потому, что на юге Европы католики, инквизиция, а в силу того, что не-британец воспринимался на излете существования империи как опасно близкий к древнему языческому наследию, будь то кельтскому, античному или восточному. Кудрявый потомок итальянцев в роли почитателя бога Пана смотрится вполне логично. Для сравнения можно

вспомнить опять-таки Лоусона, чья семитская кровь пробудилась вблизи храма Астарты.

С маскулинностью бенсоновского персонажа опять-таки все довольно сложно: артистические наклонности, юношеский облик (в противоположность облику зрелого мужчины, ожидаемому в тридцать пять лет). Приехавший друг иронизирует: стоило шесть лет возиться, чтобы выглядеть на двадцать лет, ты что, светская дама [Там же, с. 214]? Персонаж не выглядит напрямую женственно, он, скорее, амбивалентен в плане возрастных и гендерных характеристик. Сам он считает, что достиг расцвета, но автор, подозреваю, не разделяет его взгляды: явная приверженность языческому культу и даже занятия живописью подозрительны (опять-таки Макс Нордау объявлял вырожденцами деятелей современного искусства). Трансформация под воздействием темных сил, судя по всему, должна восприниматься как деградация, нравственная и физическая. Кроме того, вечно молодой художник на удивление хорошо ладит с дикими животными, то есть он не проявляет зооморфных черт сам, как Беллингом у Конан Дойла, но опасно близок к природе. Это еще один пример того, как важно учитывать контекст: для современного читателя моложавый мужчина, глядящий милых зверюшек и птичек, зрелище, скорее, приятное и уж никак не тревожащее.

Подведем итоги. Какими бы разными ни были рассмотренные выше тексты, легко заметить ряд общих черт: британское и маскулинное рассматриваются как своеобразная точка отсчета, эталон из палаты мер и весов. А заметные отклонения от нее воспринимаются как тревожные, как своего рода вырождение, и симптомами служат тяга к язычеству, проявление феминных или детских и даже зооморфных черт. Опять-таки частый, хоть и не единственный вариант – наличие у героя чужеземных предков, например еврейских или итальянских. В таком случае предполагается, что неанглийская кровь, ассоциирующаяся с более древними культурами и, главное, религиозными традициями, может в какой-то момент пробудиться и возобладать – так Лоусон в новелле Бакана буквально на глазах превращается из образцового, разве что слишком тяготеющего к перемене мест джентльмена в пухлого немужественного почитателя Астарты. Еврейское происхождение осознается как нечто подлежащее сокрытию, как тайный позор (с учетом массово распространенного антисемитизма) настолько, что даже рассказчик не может прямо сказать, кто были предки героя. Причем современный читатель может на многое не обратить внимания, счесть просто подробностями, не

имеющими большого значения. В конце концов, перед нами не прямолинейные агитки, а качественная готическая новеллистика. А между тем моменты, о которых только что шла речь, являются едва ли не несущей конструкцией, ведь поздняя готика в основе своей – о том, как в рационально устроенный, привычный и понятный мир вторгается страшное Другое, и в данных трех (и многих других) случаях это Другое конструируется на основе представлений о национальном и гендерном.

Список источников

1. The Victorian Gothic. An Edinburgh Companion. Ed. by A. Smith and W. Hughes. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. VIII, 258 p.
2. The Palgrave Handbook of Steam Age Gothic. Ed. By Clive Bloom. Palgrave Macmillan, 2021. VII, 867 p.
3. Hurley K. The Gothic Body. Sexuality, Materialism and Degeneration of the Fin de Siecle. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. XII, 202 p.
4. Palmer P. The Queer Uncanny: New Perspectives on the Gothic. Cardiff: University of Wales Press, 2012. IX, 232 p.
5. Buchan J. The Moon Endureth. Tales and Fancies. Lnd.: Hodder and Stoughton, 1912. XII, 269 p.
6. Buchan J. The African Colony. Studies in the Reconstruction. Edinburgh & Lnd.: William Blackwood and Sons, 1903. 404 p.
7. Frazer J. G. The Golden Bough. A Study in Comparative Religion. In Two Volumes. Vol. 1. New York and London, 1894. 409 p.
8. Killeen J. History of the Gothic: Gothic Literature 1825-1914. Cardiff: University of Wales Press, 2009. X, 248 p.
9. Davison C. Anti-Semitism and British Gothic Literature. Palgrave Macmillan, 2004. IX, 226 p.
10. Victorian Sensations. Essays on a Scandalous Genre. Ed. by Harrison K., Fantina R. The Ohio State University Press. Columbus. 2006. XXIII, 278 p.
11. Doyle A. C. The Great Keinplatz Experiment and other Tales of Twilight and the Unseen. N. Y.: George H. Doran Company, 1925. 254 p.
12. Muscular Christianity: Embodying the Victorian Age. Ed. By D. E. Hall. Cambridge University Press, 2006. 260 p.
13. Ellis H. The Criminal. Lnd.: Walter Scott, 24, Warwick Lane, Paternoster Row, 1891. 337 p.
14. Lombroso Ferrero G. Criminal Man according to the Classification of Cesare Lombroso. Briefly Summarised by his Daughter. With an Introduction by Cesare Lombroso. New York and London: G. P. Putnam's Sons, 1911. 322 p.
15. Nordau M. Degeneration. N. Y.: D. Appleton and Company, 1895. 566 p.
16. Benson E. F. The Room in the Tower and Other Stories. Lnd.: Mills&Boon Limited, 1918. VII, 338 p.

References

1. *The Victorian Gothic. An Edinburgh Companion*. Ed. by A. Smith and W. Hughes (2014). VIII, 258 p. Edinburgh, Edinburgh University Press. (In English)
2. *The Palgrave Handbook of Steam Age Gothic*. Ed. By Clive Bloom (2021). VII, 867 p. Palgrave Macmillan. (In English)
3. Hurley, K. (1996). *The Gothic Body. Sexuality, Materialism and Degeneration of the Fin de Siecle*. XII, 202 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
4. Palmer, P. (2012). *The Queer Uncanny: New Perspectives on the Gothic*. 232 p. Cardiff, University of Wales Press. IX, 232 p. (In English)
5. Buchan, J. (1912). *The Moon Endureth. Tales and Fancies*. XII, 269 p. Lnd., Hodder and Stoughton. (In English)
6. Buchan, J. (1903). *The African Colony. Studies in the Reconstruction*. 404 p. Edinburgh & Lnd., William Blackwood and Sons. (In English)
7. Frazer, J. G. (1894). *The Golden Bough. A Study in Comparative Religion. In Two Volumes. Vol. 1*. 409 p. New York and London. (In English)
8. Killeen, J. (2009). *History of the Gothic: Gothic Literature 1825-1914*. X, 248 p. Cardiff, University of Wales Press. (In English)
9. Davison, C. (2004). *Anti-Semitism and British Gothic Literature*. IX, 226 p. Palgrave Macmillan. (In English)
10. *Victorian Sensations. Essays on a Scandalous Genre* (2006). Ed. by Harrison K., Fantina R. XXIII, 278 p. The Ohio State University Press. Columbus. (In English)
11. Doyle, A. C. (1925). *The Great Keinplatz Experiment and other Tales of Twilight and the Unseen*. 254 p. N. Y., George H. Doran Company. (In English)
12. *Muscular Christianity: Embodying the Victorian Age*. Ed. By D. E. Hall (2006). 260 p. Cambridge University Press. (In English)
13. Ellis, H. (1891). *The Criminal*. Lnd., Walter Scott, 24. 337 p. Warwick Lane, Paternoster Row. (In English)
14. Lombroso Ferrero, G. (1911). *Criminal Man According to the Classification of Cesare Lombroso. Briefly Summarised by His Daughter. With an Introduction by Cesare Lombroso* 322 p. New York and London, G. P. Putnam's Sons. (In English)
15. Nordau, M. *Degeneration* (1895). 566 p. N. Y., D. Appleton and Company. (In English)
16. Benson, E. F. (1918). *The Room in the Tower and Other Stories*. VII, 338 p. Lnd., Mills&Boon Limited. (In English)

The article was submitted on 01.06.2024

Поступила в редакцию 01.06.2024

Липинская Анастасия Андреевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
191023, Россия, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, 30–32.
nastya.lipinska@gmail.com

Lipinskaya Anastasia Andreevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics,
30–32 Griboyedov Canal,
St. Petersburg, 191023, Russian Federation.
nastya.lipinska@gmail.com